

ВКЛАД В ТЕОРИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

(Гусейнов Л. Г. Международные обязательства государств в области прав человека. — Баку — 1998. — 188 с.)

Монография кандидата юридических наук Л. Г. Гусейнова — первая в международно-правовой литературе попытка создать целостный теоретический “портрет” международных обязательств государств в области прав человека. Нормативное содержание основных прав и свобод человека автор исследует через призму корреспондирующих им международных обязательств государств, ставя во главу угла их особую природу и особое предназначение в международно-правовом массиве норм.

Хотя в структурно-методологическом плане автор следует довольно упрощенной схеме (природа, виды и действие международных обязательств в области прав человека), но в содержательном плане он, проявляя новаторский подход, поднимает весьма интересные вопросы, относительно новые как для советской, так и постсоветской науки международного права.

Свое исследование автор начинает с такого тезиса, что основные права человека и корреспондирующие им в *определенной степени* обязательства государств не могут безоговорочно рассматриваться как “две стороны одной медали”, т. е. как два равнозначных (но разнополюсных) слагаемых одной правовой связи. Он пишет: “Применяемая в международных соглашениях о правах человека единообразная конструкция “каждый имеет право...”, проецируясь на плоскость соответствующих международно-правовых обязательств государств, приобретает дифференцированное правовое содержание” (с. 152). Учет данного момента, по его мнению, имеет ключевое значение при установлении факта нарушения государством того или иного международно признанного права человека.

Немалая часть монографии (с. 13—68) посвящена всестороннему обоснованию высказывавшейся и на страницах “Московского журнала международного права” идеи о том, что международные обязательства государств в области прав человека имеют специфическую природу, которая не свойственна другим категориям международно-правовых обязательств. Эти обязательства автор рассматривает как объективные обязательства, т. е. как обязательства “каждого и всех участников договора перед каждым и всеми его участниками”, нежели набор субъективных прав и обязанностей между договаривающимися государствами. Отсюда он приходит к выводу, что по внешним признакам международные обязательства в области прав человека во многом идентичны обязательствам *erga omnes* (соглашений универсального характера — лат.), но вместе с тем подчеркивает, что их не следует отождествлять. Они действуют не по отношению к мировому сообществу, а ко всему “договорному составу” государств, к определенному *omnes* (сообществу — лат.) состоящему в данном случае из всех других государств-участ-

ников (т. е. *erga omnes partes* — стороны соглашений универсального характера — *лат.*). Заслуживает внимания предпринятый в работе весьма обстоятельный анализ генезиса, развития и современного состояния концепции *erga omnes*. Не соглашаясь с утверждениями ряда ученых, Л. Гусейнов полагает, что только ограниченный круг международных “правозащитных” обязательств имеет *erga omnes* характер.

В работе описываются две новейших тенденции, которые подтверждают идею об объективном характере международных обязательств в области прав человека и отчетливо свидетельствуют о растущей правовой значимости “правозащитного фактора”: а) соблюдение прав человека ныне становится одним из важнейших критериев признания вновь возникшего государства или его принятия в международную организацию; б) в определенных случаях обязательства в области прав человека (вовсе необязательно в силу их *jus cogens* (императивные обязательные нормы права — *лат.*) происхождения) могут обладать приоритетом над другими международными обязательствами государства; например, именно на этой основе какое-либо государство, вопреки своему договорному обязательству об экстрадиции может отказать в выдаче лица другому государству, в котором данному лицу грозит применение пыток или другого недопустимого поведения или другое тяжкое нарушение его основных прав.

Мы солидарны с утверждением автора о том, что “жизнь” прав человека не может и не должна зависеть от “рождения” и “смерти” государств, вызывающих вопросы правопреемства; поэтому вполне разумно допустить, что любое вновь появившееся на свет государство связано не только нормами общего обычного международного права, но и также теми договорами о правах человека, которые были обязательны для государства-предшественника. Мы разделяем *умеренный* подход Л. Гусейнова к данному вопросу, когда он, после тщательного анализа новейшей государственной практики, материалов Комитета по правам человека заключает о *только складывающейся* обычно-правовой норме, в соответствии с которой обязательства по международным договорам в области прав человека не затрагиваются правопреемством государств и автоматически переходят к государству-преемнику.

Базируясь на практике международных правозащитных институций, автор указывает на определенную специфику толкования международных договоров о правах человека. Он отмечает, что особая природа этих договоров “сообщает” процессу их толкования целевую ориентацию; достижение именно *эффективной* защиты прав человека становится главным мерилом для “взвешивания” наиболее адекватной реализации государством этих прав. Это позволяет лучшим образом адаптировать цель защиты прав индивида к меняющимся социальным условиям; т. е. речь идет о применении так называемого динамического или “эволютивного” толкования.

Специфическую природу международных договоров в области прав человека Л. Гусейнов усматривает также в неприменимости к этим договорам действующего Венского режима оговорок. Ссылаясь на практику Европейского Суда по правам человека, придерживающегося так называемой доктрины “отделимости” (“*severability*”), он обосновывает

необходимость изменения данного режима также и на универсальном уровне, когда международный контрольный орган был бы уполномочен отделить недействительную оговорку от соответствующего договорного положения, “возобновляя” тем самым согласие государства на обязательность для него данного положения. В таких случаях государство, не снявшее эту оговорку, считалось бы нарушившим свое соответствующее международное обязательство.

Третью главу монографии автор полностью посвятил исследованию видов международных обязательств в области прав человека. Подробно рассмотрены, в частности, следующие их виды: 1) договорные и обычно-правовые обязательства; 2) “зонтичные” и конкретные обязательства; 3) обязательства поведения и обязательства результата; 4) позитивные и негативные обязательства; 5) обязательства, осуществляемые “немедленно” и “постепенно”. К сожалению, в монографии отсутствует, — хотя в ней есть об этом упоминание, — анализ такой “пары” обязательств как абсолютные обязательства и обязательства, от которых государства не могут отступать в условиях чрезвычайного положения.

Описывая новейшие тенденции в области обычного нормообразования в целом и в сфере защиты прав человека в частности, Л. Гусейнов приходит к верному, на наш взгляд, заключению, что последнее имеет свои определенные особенности. По его мнению, “фактическая” практика государств здесь не играет столь существенной роли; государства оказываются связанными той или иной обычно-правовой нормой не в результате последовательной, единообразной и длительной практики, а большей частью — в силу *opinio juris generalis* (общественного мнения — *лат.*), основанного на “элементарных ображениях гуманности” и на идее коллективного признания и защиты универсальных ценностей.

Удачным как в теоретическом, так и в практико-прикладном плане представляется выделение, — по терминологии автора, — “зонтичных” обязательств. Под этим он понимает обязательства общего характера, касающиеся не отдельно взятых, а всех закрепленных в нем прав человека в совокупности (например: уважать и обеспечивать права человека; добиваться постепенного обеспечения реализации прав человека; не допускать дискриминацию при осуществлении прав человека; принимать законодательные и другие имплементационные меры и др.). Эти общие положения в различных международных соглашениях имеют различное содержание, и это накладывает свой отпечаток на характер соответствующих обязательств государств-участников в отношении того или иного конкретного права индивида. На основе анализа практики международных правозащитных органов автор делает вывод о том, что всем “зонтичным” обязательствам присуща одна важная черта — их вспомогательный характер: это означает, что в принципе, их нарушение может иметь место только кумулятивно, в связи с конкретным фактом нарушения государством какого-либо права человека; т. е. “зонтичные” обязательства не могут быть предметом отдельного нарушения и, соответственно, обжалования со стороны индивида.

А конкретные обязательства государств, которые выступают “контрагентами” отдельных прав и свобод человека, по мнению автора, в свою очередь, можно подразделять на основные и производные. Основное

обязательство непосредственно заложено в самом содержании права человека, образно говоря, выступает в качестве его *alter ego* (второго “я” — лат.). Нарушение права человека — это, в первую очередь, основного обязательства. К примеру, нарушение права на жизнь будет прежде всего выражаться в произвольном лишении государством жизни индивида. Производные обязательства государств прямо или косвенно вытекают из содержания основных обязательств и дополняют их. Однако им не должна быть приписана второстепенная роль. Они — неотъемлемый компонент того или иного права человека: соответственно, невыполнение их также представляет собой нарушение данного права человека. Так, право на жизнь вполне может считаться нарушенным и в тех случаях, когда, например, в государстве отсутствуют или явно недостаточны законодательные акты, направленные на охрану жизни человека, или государство не обеспечило эффективное расследование имевшего место акта убийства (с. 95—96).

Касаясь позитивных и негативных обязательств в области прав человека, автор правильно указывает, что в основе этого деления не лежит различие “первого” и “второго” поколений прав человека, не воспринимаемое современной философией и юриспруденцией прав человека. Вместе с тем он полагает, что в рассматриваемом контексте различия между двумя указанными группами прав человека все же существует, но она состоит не в самом факте, что “вмешательство” со стороны государства требуется или нет, а в степени, в которой это “вмешательство” необходимо. Мы разделяем следующий вывод автора: “Можно смело утверждать, что в наше время не существует ни одного права человека, которое, при отсутствии каких-либо позитивных действий со стороны государства, можно было бы считать полностью гарантированным. В этом ракурсе логичным выглядело бы деление всех прав человека на две группы: в первую входили бы права, из которых вытекают только позитивные обязательства, а во вторую — те, которые требуют как негативных, так и позитивных обязательств” (с. 105).

Интересные суждения содержатся в той части работы, где на базе соответствующих общих положений Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного Пакта о гражданских и политических правах анализируются обязательства, осуществляемые немедленно и постепенно.

Добротный материал читатель найдет и в последней главе монографии, в которой рассмотрен вопрос о действии международных обязательств в области прав человека *ratione loci* (обстоятельства места — лат.) и *ratione temporis* (обстоятельства времени — лат.). Относительно первого вопроса примечательно, в частности следующее утверждение автора: “Обязательство государств обеспечивать права и свободы человека не имеет в принципе территориального лимита: его действие не ограничивается лишь терриорией этих государств: деяние государства, которое приводит к нарушению того или иного права человека и вызывает тем самым его международную ответственность, может иметь место где угодно, в любой точке мира, но с учетом единственного критерия, что это — деяние, подпадающее под юрисдикцию данного государства или же, еще проще, деяние его органа или представителя”

(с. 128 — 129). Весьма актуален и вывод о том, что государство, чья территория оккупирована другим государством или каким-либо иным образованием, не будет нести ответственность за нарушения прав человека, совершенные данным образованием или государством (с. 124).

При изложении вопроса о действии международных договорных положений в области прав человека во времени, основное внимание автор уделит раскрытию концепции “длящегося нарушения”, суть которой заключается в том, что международное обязательство государства признается нарушенным, если соответствующее деяние продолжается или имеет продолжающиеся последствия и после того, как договор вступил в силу в отношении данного государства.

Монография содержит удачно обобщенные выводы, а также резюме на английском и азербайджанском языках. В конце книги приведен внушительный список использованной литературы, включающий в основном новейшие монографии и статьи на английском, немецком и французском языках, а также список использованных в работе решений Международного Суда ООН, Комитета по правам человека, Европейской Комиссии по правам человека, Европейского Суда по правам человека и Межамериканского Суда по правам человека.

Монография Л. Гусейнова — результат кропотливой и трудоемкой работы. Она выполнена на очень высоком теоретическом уровне, — и что больше всего импонирует, — с использованием строго юридического инструментария. Мы склонны рассматривать эту монографию как определенный вклад в теорию международно-правовой защиты прав человека, и хотим выразить уверенность, что она привлечет внимание специалистов и за пределами нашего государства.

У. Юсубова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного права и государственного
права зарубежных стран Бакинского Государственного
Университета им. М. Э. Расул-заде

г. Баку

Рецензия получена редакцией в мае 1999 г.